торые привели античное государство к величию и падению, были одним из важнейших теоретических подготовлений к грядущему преобразованию современного общества».[5]

Не только Вольтер, но и последующие умы XVIII в. исходили из того, что историю делают сами люди (а не божественный промысел). Отсюда важность, с их точки зрения, изучения разных стадий истории культуры, отличных друг от друга форм общественного и государственного устройства и соответствующих им учреждений, географической основы всемирной истории, исследования многообразия общественных нравов и человеческих страстей, изучения биографии, личных особенностей крупных исторических деятелей. Это направление просветительской мысли характеризует наряду с трудами Монтескье и Вольтера ряд исторических статей в «Энциклопедии». В Англии оно представлено «Историей гражданского общества» А. Фергюсона, историческими трудами Юма, Робертсона и т. д.

Несмотря на переоценку роли разума, историки-просветители были внимательны к роли труда для развития ремесел, промышленности, цивилизации вообще. Они широко обосновали мысль о плодотворности союза человеческого ума и рук, теоретического знания и практической деятельности. Этот круг вопросов вслед за Вольтером был в XVIII в. широко освещен другими энциклопедистами, а в более общей, теоретической форме — экономистами-физиократами и А. Смитом.

Существенной заслугой просветителей была широкая разработка ими вопроса о политическом и общественном гнете как причине падения цивилизации. Уже Монтескье в своем известном сочинении на эту тему (1734) показал, что падение древнего Рима было следствием роста политического, а вместе с тем и социального угнетения. Ту же тему Гиббон разработал применительно к судьбам Западной Римской империи. А Винкельман в своей «Истории искусства древности» (1763) показал, что не только государства, но и искусство классической древности имело свой период совершенствования, расцвета и упадка, причем возможности и направление развития искусства в каждую из этих эпох были тесно связаны теми возможностями, которые государство и общество в этот период открывали для свободного физического и духовного развития личности.

Хотя просветители, придавая решающее значение прогрессу «разума», скептически относились зачастую к перспективам открытой, прямой политической борьбы, они, как уже отмечалось выше, много сделали для пропаганды идеи исторического действия. В дальнейшем своем развитии это должно было закономерно вести и действительно привело в эпоху Великой французской революции к обоснованию идеи глубокой закономерности социальной и политической борьбы в истории человечества во-

---

[5] *Лукач Г.* Исторический роман. — Литературный критик, 1937, № 7, с. 48.